

За свои четырнадцать лет Шэн Чие ещё никогда не справлял столь унылого и тягостного дня рождения. Пожалуй, это был худший праздник в его жизни.

С тех пор как Шэн Байган и Му Сюнь вышли из кабинета, между ними воцарилось ледяное, гнетущее безмолвие. Воздух в гостиной словно застыл, наэлектризованный их глухой враждой, но никто из присутствующих так и не дерзнул спросить, что же произошло за закрытыми дверями.

Единственный, кто знал правду, Шэн Юань, хранил молчание. Уткнувшись в тарелку, он старательно делал вид, будто происходящее его совершенно не касается. На роскошном столе не нашлось почти ничего, что было бы ему по вкусу, поэтому он безучастно ковырялся палочками в паре простецких блюд прямо перед собой.

Шэн Юньчжоу, хоть и сохранял за собой формальный пост председателя совета директоров, от дел давно отошёл, полностью переложив бразды правления семьёй и бизнесом на плечи Шэн Байгана. Попытка отца завязать разговор и расспросить старшего сына о последних новостях натолкнулась на глухую стену — Байган отделался парой сухих, ледяных фраз.

Юньчжоу искренне пытался разрядить обстановку, но, взглянув на помрачневшее лицо первенца, осёкся и послушно проглотил готовые сорваться с губ ободряющие слова.

Торжество по случаю дня рождения младшего сына, обещавшее быть весёлым праздником, превратилось в подобие поминок. В мёртвой тишине, воцарившейся за столом, раздавался лишь негромкий, раздражающий стук фарфоровой посуды и приборов.

Глядя на горы изысканных деликатесов, Му Сюнь чувствовал лишь подступающую к горлу тошноту. Один только вид Шэн Байгана вызывал у него ярое отвращение, желудок сжимался в тугой узел. Сюнь почти не притрагивался к еде, лишь изредка тянулся палочками к общим блюдам, чтобы переложить лучший кусочек в пиалу Шэн Юаня.

С трудом сдерживая раздражение, он всё же заставил себя дождаться, пока Сяо Е загадает желание и задует свечи на праздничном торте. Только после этого вручив имениннику подарок, Му Сюнь поднялся из-за стола и под благовидным предлогом поспешил откланяться.

Стоило гостю договорить, как пальцы Шэн Байгана судорожно вцепились в край стола, словно он порывался встать вслед за ним.

Но после секундного колебания старший брат бессильно опустил руки и, даже не повернув головы в сторону уходящего, глухо бросил:

— На улице ливень. Будь осторожен за рулём.

Его слова повисли в пустоте — ответа не последовало.

Спустя минуту Шэн Юань тоже отложил палочки и негромко произнёс, что закончил с ужином.

Шэн Юньчжоу даже не поднял на него глаз, безучастно обронив:

— Останешься сегодня дома?

— Нет, пожалуй, — покачал головой юноша. — Поеду к себе, на съёмную квартиру.

— Я тебя подвезу, — вмешался Шэн Байган.

—... Хорошо. Спасибо, брат.

Гости расходились, семейный ужин трещал по швам. Доведённый до белого каления Шэн Чие, чей праздник оказался безнадёжно испорчен, с силой швырнул палочки на стол. Звонкий щелчок разорвал тишину, и именинник в ярости закричал им вслед, выплёскивая накопившуюся обиду.

Шэн Юньчжоу и Бай Цзин, души не чаявшие в младшем сыне, тут же принялись наперебой утешать и ласкать своего капризного любимца, пытаясь вернуть ему расположение духа.

Под этот многоголосый щебет Шэн Юань раскрыл зонт и бесшумно выскользнул за порог.

Тяжёлые дождевые капли сплошной стеной хлестали по стёклам автомобиля, оставляя на них мутные, извилистые потёки.

Они проехали уже половину пути, но в салоне по-прежнему царило глухое молчание. Никто не решался заговорить первым.

Шэн Юань украдкой косился на суровый профиль старшего брата, а в его голове тем временем крутился вихрь мыслей.

Юноша и представить себе не мог, что за маской холодного, непроницаемого высокомерия скрываются столь бурные, почти неуправляемые чувства. Он всегда помнил брата чужим, отстранённым и безжалостным.

Байган всегда держался с ним подчёркнуто прохладно. Юань не знал наверняка, но подозревал: возможно, брат съехал из родительского гнезда и оборвал связи с семьёй именно потому, что не выносил его присутствия.

И всё же сегодня, услышав от него искренние слова заботы и то самое простое, но такое

значимое обращение «брат», Шэн Юань почувствовал, как в груди разливается робкое, щемящее тепло.

— Хочешь о чём-то спросить? Спрашивай, не держи в себе, — внезапно заговорил Шэн Байган, разрезая затянувшуюся тишину своим ровным голосом.

— Брат, я правда не хотел подслушивать, — осторожно, словно ступая по тонкому льду, отозвался Шэн Юань. — Просто... у меня в комнате стены слишком тонкие.

— Знаю, — отрезал Байган. — Я повысил голос намеренно, чтобы ты всё слышал.

Юноша растерянно моргнул:

— А?..

— Ты ещё совсем юн, вся жизнь впереди, — ровным тоном пояснил Байган. — Да и Му Сюнь ненамного старше. Он привык потакать своим капризам и совершенно не думает о последствиях. Рано или поздно его безрассудство приведёт к катастрофе. Я не могу позволить ему утянуть тебя за собой на дно.

Сжавшись на пассажирском сиденье, Шэн Юань нервно перебирал пальцами край куртки. Его голос упал до едва слышного шёпота:

— Спасибо тебе... Мне правда очень важно было услышать это. Я и сам ни за что не хочу этой свадьбы с Му Сюнем, но отец... он непреклонен.

— Прекрасно знаю, что отец спит и видит, как поднимется из руин за счёт союза с Корпорацией Му, — помрачнел Шэн Байган. — Вот только эти люди далеко не так просты и благородны, как ему кажется. Мне следовало вернуться раньше — хотя бы до того, как прогремел этот фарс с помолвкой. Но дела в Сиэтле шли со скрипом, передача полномочий затянулась, и я упустил драгоценное время.

— В Корпорации Му каждый гребёт под себя. Они эгоистичны до мозга костей и ради выгоды перешагнут через любого. Я не позволю впутать тебя в их грязные игры.

— Брат... — Шэн Юань робко покосился на него. — Я помню, что вы с Му Сюнем когда-то были не разлей вода. Между вами... что-то произошло?

Байган надолго замолчал, глядя на залитую дождём дорогу.

— Мы разошлись во взглядах на стратегию развития бизнеса, — сухо обронил он. — Сильно повздорили. С тех пор и не общались.

Объяснение звучало слишком просто и буднично, явно скрывая за собой куда более глубокую бездну. Поняв намёк, Шэн Юань проявил благоразумие и не стал лезть брату в душу.

— А сам ты что думаешь? — спросил Байган. — Как нам расторгнуть эту помолвку?

Шэн Юань уже разложил в уме все возможные сценарии.

— Самый верный путь — заставить старших членов клана Му дать обратный ход. Если решение примут наверху, Му Сюнь, будь он трижды против, не посмеет пикнуть. Например, если нажать на его родителей, дедушку с бабушкой... или же на...

При мысли о последнем кандидате юноша запнулся.

— На кого? — быстро переспросил брат.

Юань замялся, неловко передернув плечами:

—... На дядю Му Сюня.

— Ты уже встречался с ним?

Шэн Юань едва заметно кивнул и отвернулся к окну, наблюдая за бегущими по стеклу каплями.

— Впрочем, слухи о нашей помолвке разошлись слишком широко. Попытаться переубедить старейшин клана — этих всемогущих титанов, которые держат в руках весь город — гиблое дело. Они не пойдут на попятную ради нашей прихоти.

— А значит, действовать нужно через самого Му Сюня. Он наш единственный шанс на прорыв.

Байган на секунду отвлёкся от дороги, с удивлением разглядывая младшего брата.

В тёмных глазах Шэн Юаня вспыхнул острый, не по-детски проницательный огонёк.

— Брат, ты никогда не задумывался, почему Му Сюнь выбрал именно меня? Вокруг него крутятся толпы куда более выгодных кандидатов. Да, Сюнь порой ведёт себя как законченный эгоист и подлец, но он из тех людей, кто не умеет сжигать мосты до конца. Что, если вся эта нелепая помолвка — лишь его глупая попытка вернуть твою дружбу?

Шэн Байган выслушал его, не проронив ни слова, и вновь уставился на мокрый асфальт перед капотом.

Его лицо оставалось маской холодного безразличия, но рука уверенно крутанула руль, уводя машину на развязку, ведущую в противоположный конец мегаполиса.

Загородная вилла Му Сюня, стоявшая на самом берегу Сицзян, была щедрым подарком его матери. Она приобрела это роскошное поместье сразу после объявления о помолвке — в качестве семейного гнёздышка для будущих молодожёнов.

Байган припарковался у обочины прямо перед глухими коваными воротами, заглушил мотор и замер, невидящим взглядом уставившись на переплетение чугунных узоров. Проходили минуты, но он не делал попыток выйти.

Шэн Юань, устроившись поудобнее, лениво переписывался в рабочем чате и брата не торопил. Домашнего любимца, пса по кличке Яояо, он успел покормить ещё до ухода, так что теперь его клонило в сон, но ехать всё равно было некуда.

Вдруг боковым зрением он заметил, как брат протягивает ему большой чёрный зонт-трость.

Юноша удивлённо вскинул брови:

— Брат?..

— Думаю, сейчас я — последний человек, которого он хотел бы видеть, — тихо произнёс Байган.

Намёк был яснее ясного: Шэн Юаню снова предлагалось примерить на себя роль громоотвода и ввязаться в чужую драку.

Благо, его лучшие друзья, Лу Тинси и Сун Бинчэн, ухитрялись ссориться по три раза на дне, так что в примирении разъярённых влюблённых Шэн Юань давно преуспел и наработал колоссальный опыт.

Смирившись со своей участью, он сокрушённо вздохнул, послушно раскрыл зонт и шагнул под холодные струи дождя.

Дежуривший на КПП охранник сразу узнал гостя. Вся охрана посёлка судачила о дерзком мальчишке, который явился на пафосную помолвку молодого господина Му в обычном спортивном костюме. Этот юный бунтарь со дня на день должен был стать полноправным хозяином виллы.

Слухи о крутом нраве «маленького монстра» ходили среди персонала один страшнее другого.

Связываться с ним никто не желал.

Стоило Юаню подойти к калитке, как секьюрити коршуном взлетел со своего места, распахнул засов и предупредительно потянулся, чтобы перехватить у него зонт.

К великому изумлению мужчины, «монстр» лишь мягко улыбнулся, вежливо поблагодарил его и негромко добавил, что на улице слишком холодно и охраннику лучше поскорее вернуться в тёплую будку.

Охранник опешил.

«Да какой он демон? Ангел чистой воды!» — подумал он. А что до спортивного костюма... Да пусть хоть в пижаме ходит, его право.

Крепко сжав скользкую серебристую рукоять, Шэн Юань медленно поднялся к крыльцу. Парадная дверь была не заперта, сквозь узкую щель на залитые дождём ступени падал тёплый электрический свет, а изнутри доносились гневные голоса и метались резкие тени.

—... К чёрту его собачьи правила! С какой стати я должен пресмыкаться и жить так, как ему угодно?!

Оглушительный звон бьющегося стекла и яростный, сорвавшийся на визг крик Му Сюня заставили Шэн Юаня замереть на пороге. Нога, уже занесённая над ступенью, дрогнула. Юноше безумно захотелось развернуться и уйти.

Бросив короткий взгляд назад, на сиротливо стоящую под ливнем машину брата, он сделал глубокий вдох и мысленно приказал себе не трусить.

Страх липкими пальцами сжал горло, но Юань пересилил себя. Ступая бесшумно, как кошка, он подобрался к самой двери, осторожно подтолкнул её кончиком пальца и заглянул внутрь.

Посреди просторной гостиной высилась тощая, взъерошенная фигура Му Сюня. Пол вокруг него был усыпан сверкающими осколками хрусталя и разбитых бутылок, из которых лениво вытекало дорогое янтарное спиртное. В нос Юаню мгновенно ударил едкий, удушливый запах перегара.

Напуганная до смерти прислуга торопливо собирала осколки, стараясь не попадаться под горячую руку взбешённого хозяина и боясь, как бы тот не поранил босые ноги.

Затаив дыхание, Шэн Юань не спешил выдавать своё присутствие, предпочитая наблюдать из темноты прихожей.

Сюнь был мертвецки пьян. Воротник его дорогой рубашки был разорван, пуговицы разлетелись, а хриплый голос то и дело срывался на стон:

— Семья... Общие интересы... Да плевать они хотели! Им важно только одно — не опозорил ли я их великое имя, не ввязался ли в очередной скандал! Ни одна живая душа в этом проклятом доме ни разу не спросила, каково мне! Счастлив ли я вообще?!

— Молодой господин, ваши слова несправедливы. Они глубоко ранят господина, — раздался спокойный, уверенный голос из глубины комнаты.

Шэн Юань вздрогнул. Этот ровный, бесстрастный тембр показался ему смутно знакомым.

Юноша прищурился, пытаясь разглядеть собеседника Му Сюня сквозь полумрак гостиной.

Мужчина стоял у окна, заложив руки за спину. На нём был безупречно отглаженный чёрный костюм, а на породистом лице поблёскивали интеллигентные очки в тонкой безоправной оправе.

Линь Чжэн. Личный помощник дяди Му Сяодо.

— Раз господин отправил меня руководить делами филиала «Шивэй», это доказывает его безграничное доверие к вам, — почтительно, но твёрдо произнёс ассистент Линь. — Надеюсь, вы цените его заботу и не станете разрушать то, что создавалось с таким трудом.

— Доверие?! — взвился Му Сюнь. — Да он приставил тебя ко мне как цепного пса, чтобы ты доносил о каждом моём шаге!

— Я лишь выполняю свои прямые обязанности, — не повёл и бровью Линь Чжэн.

Му Сюнь злобно сплюнул под ноги:

— Не строй из себя святошу, Линь Чжэн. Ты пахал на моего дядю кучу лет, возомнил себя его правой рукой, чуть ли не членом семьи... И где ты теперь? Из-за одной мелкой оплошности тебя вышвырнули вон из штаб-квартиры! Скажи мне, у этого человека вообще есть сердце или там кусок гранита?

— В моей ошибке не было вины господина, он поступил строго по уставу, — в голосе помощника прорезались стальные нотки. — И на вашем месте, молодой господин, я бы поостерегся делать подобные заявления. Кое-какие ваши шаги и разговоры ни в коем случае не должны дойти до его ушей. Подумайте об этом.

— Ах ты тварь! Всё-таки признался! — взвыл Сюнь, хватая со стола очередную безделушку. —

Значит, шпионишь за мной! Да в чём я, блять, провинился, что меня держат под замком как преступника?!

Линь Чжэн хладнокровно поправил дужку очков:

— Я всего лишь наёмный работник и выполняю то, за что мне платят. Пожалуйста, держите себя в руках.

— Пошёл вон!!!

Му Сюнь вслепую шарил руками по полкам, пока его пальцы не наткнулись на тяжёлый сувенир. Замахнувшись, он со всей дури запустил им в голову помощника.

— Му Сюнь, стой!

Крик ужаса сам собой сорвался с губ Шэн Юаня. Глаза его расширились от шока.

Пьяный Сюнь даже не сообразил, что именно держит в руках. В угаре ярости он схватил ту самую бесценную клыковую лодочку-полумесяц, которую ему когда-то подарил дядя.

Резная кость прочертила в воздухе ослепительную дугу и со страшной силой врезалась в противоположную стену. Оглушительный треск расколотого шедевра эхом разнёсся по гостиной, заставив воздух зазвенеть.

Сюнь вздрогнул, алкогольный туман на мгновение рассеялся. Сфокусировав взгляд на дверном проёме, он ошеломлённо пробормотал:

— Юань?.. Ты что здесь делаешь?

Шэн Юань не ответил. Горло сдавило спазмом. Он медленно, словно во сне, подошёл к россыпи осколков у стены, опустился на колени и принялся бережно, один за другим, собирать острые белые кусочки кости в ладони.

Безжалостно разбитый шедевр усеял весь ковёр, словно расколотое отражение луны на воде. Матовые осколки всё ещё слабо мерцали, безмолвно напоминая о том, каким великолепным творением рук человеческих они были совсем недавно и сколько тёплых воспоминаний хранили.

Руки юноши крупно дрожали, пальцы онемели от холода и шока, из-за чего он никак не мог ухватить мелкие крошечные чешуйки кости.

Линь Чжэн тихо опустился рядом с ним на корточки и молча принялся помогать, собирая осколки в горсть.

— Простите, господин Шэн, — негромко извинился он, и в его голосе впервые прозвучали живые эмоции. — Я не должен был провоцировать его.

Му Сюнь тупо смотрел на них сверху вниз. На его пьяном лице проступило редкое для него замешательство, смешанное со стыдом.

—... Юань, — тихо позвал он.

Глаза Шэн Юаня зашипало от подступивших слёз. Картинка перед глазами поплыла, и он поспешно отвернулся, незаметно смахнув влагу с ресниц тыльной стороной ладони.

С силой прикусив губу, чтобы сдержать предательскую дрожь в голосе, он спросил с напускным равнодушием:

— Оно разбилось вдребезги... Тебе оно больше не нужно?

Му Сюнь промолчал, отведя взгляд.

— Тогда... я заберу осколки? — тихо спросил юноша.

— Забирай. Мне плевать, — буркнул Сюнь.

—... Спасибо.

Шэн Юань судорожно вздохнул, упрямо сдерживая рвущиеся наружу слёзы.

Прижав израненную горсть костяных осколков к груди, он поднял на жениха воспалённые, покрасневшие глаза:

— Сюнь... Ты ведь сам больше всего на свете ненавидишь, когда тобой помыкают. Почему же ты тогда не задумываешься, что прямо сейчас своими руками ломаешь жизнь другому человеку?

Вопрос прозвучал без вызова, тихо и горько, как неоспоримый приговор.

Лицо Му Сюня на мгновение окаменело, лишившись всяких эмоций.

— Ровно через неделю я вернусь, — твёрдо произнёс Юань, поднимаясь на ноги. — И принесу соглашение о расторжении помолвки.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал к выходу.

— Юань! Пстой! — крикнул ему в спину Му Сюнь.

Он бросился было следом на крыльцо, но, едва выбежав под дождь и увидев припаркованную у ворот знакомую «ауди», замер как вкопанный.

Шэн Юань не стал садиться в машину брата. Крепко прижимая к груди останки драгоценной лодочки-полумесяца, он упрямо зашагал пешком, растворяясь в серой пелене холодного ночного ливня.

Следующие семь дней превратились для Шэн Юаня в настоящий кошмар.

Организм начал сдавать — юноша чувствовал, что тяжело заболевает.

Виски разрывало от дикой, пульсирующей боли, а правое ухо стремительно глохло, пока мир с этой стороны окончательно не погрузился в глухую, ватную тишину. К этому добавился изнуряющий, лихорадочный жар, который то накатывал волнами, то временно отступал.

Поначалу он списывал всё на банальный недосып, вечную рабочую суету и ту злополучную прогулку под ледяным ливнем.

Расплата наступила внезапно. В один из дней, придя на студию звукозаписи Циньинь для очередной сессии, он привычно встал перед микрофоном. Но, попытавшись прочесть текст, с ужасом осознал, что буквы на листе расплываются в сплошное мутное пятно, а наушники не пропускают в его сознание ни единого звука.

Перед глазами поплыли зловещие чёрные круги. Пространство вокруг накренилось, уходя из-под ног, и Шэн Юань мешком рухнул на пол студии.

Сквозь гаснущее сознание он смутно запомнил, как в кабину ворвалась побелевшая от страха сестрица Сян Шэн. Она упала перед ним на колени, судорожно массируя ему виски и пытаясь привести в чувство. Где-то рядом кричали в трубку, вызывая скорую, и десятки голосов наперебой звали его по имени...

Весь этот хаос звуков звенящим, удушливым роем ворвался в его угасающий разум. Ему никогда ещё этот мир не казался столь невыносимо, оглушительно громким.

Из последних сил зажмурившись, чтобы спрятаться от этой пытки, он провалился в милосердную темноту небытия.

Очнулся он уже на больничной койке. Сколько прошло времени, Шэн Юань не знал.

Возле него, не смыкая глаз, дежурили испуганные Лу Тинси и Сун Бинчэн. За те долгие двенадцать часов, что он провел без сознания, никто из членов семьи Шэн так ни разу и не позвонил, чтобы узнать о его состоянии.

Заметив, что Юань зашевелился и приоткрыл глаза, крутой парень Сун Бинчэн пулей выскочил из палаты, чтобы позвать лечащего врача.

Глаза Лу Тинси опухли и покраснели от слёз. Она изо всех сил пыталась казаться бодрой, ласково уверяла его, что всё самое страшное уже позади и волноваться совершенно не о чем. Девушка вымученно улыбнулась, но не выдержала и двух секунд — отвернулась к окну, беззвучно разрыдавшись и поспешно утирая новые слёзы.

Шэн Юань со слабой улыбкой смотрел на них, чувствуя бесконечную благодарность судьбе за то, что в его жизни есть эти двое. В голову полезли непрошенные, горькие мысли:

«Даже если я умру прямо сейчас... на этой земле останется хоть кто-то, кто искренне оплачет мою смерть».

Чуть позже в палату вошёл врач и вынес свой страшный вердикт.

— Опухоль мозга, — устало произнёс доктор, листая историю болезни. — Пока это предварительный диагноз, нам необходимо провести полное обследование. Как только результаты подтвердятся, медлить нельзя — лечение нужно будет начать незамедлительно.

<http://bllate.org/book/20131/2131135>